Вельский районный муниципальный краеведческий музей
Архангельской области

ВАЖСКИЙ КРАЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Исследования и материалы

Выпуск 2

К13 47139

ВЕЛЬСК
2004

своей книги 1981 года. Кто бы мог подумать о таком результате моих многолетних сидений в архивах! Сохранится для будущего и Алешкин дом (увы, скорее всего, только на бумаге), память об его обитателях и об их наивно-прекрасных художествах. Останутся жить Михаил Иванович Романов, выдающийся историк-краевед Севера, большинство трудов которого так и остались неопубликованными, и великий труженик Иван Григорьевич Глотов, достойно перенесший на своем горбу все тяготы ушедшего века и своим дневником представляющий миллионы подобных ему судеб...

Вместе с известным петрозаводским ученым профессором Вячеславом Петровичем Орфинским я много лет старался делать все возможное, чтобы приостановить гибель главной ценности нашего Севера – деревянного зодчества, гибель, которую нельзя расценить иначе, как культурную катастрофу, причем не только национального, но и мирового масштаба. За прошедшие сорок лет написано несколько десятков статей и еще больше писем: так важно, чтобы как можно больше соотечественников поняли, что мы имеем и что теряем. В 1999-м году участники проведенного по моей инициативе международного симпозиума «Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России» обратились с письмом во все мыслимые отечественные и зарубежные инстанции, включая президента России и ЮНЕСКО, но мало кто из власть предержащих умеет и хочет слышать. Общество же в целом остается равнодушным к судьбе памятников национальной культуры. Остается надежда только на то, что хоть в какой-то степени зависит от нас – на память, пусть только в фотографиях – и своих, и чужих, обмерных чертежах, записях увиденного и осмысленного... И это все, что я могу сделать для Севера, с которым – повторю еще раз – нерасторжимо связана моя жизнь.

С. Н. СМОЛЬНИКОВ
(Вологда)

АНТРОПОНИМИЯ УСТЬЯНСКИХ ВОЛОСТЕЙ XVII В.
(на материале деловой письменности)

Одной из задач исторической антропонимики – науки о возникновении и функционировании собственных имен людей в прошлом – является изучение антропонимии разных территорий русского государства в ту или иную эпоху, выявление местных особенностей именования лица.

Антропонимия Устьянских волостей изучена мало (существуют отдельные научные статьи, привлекающие материалы переписных книг Устьянских волостей конца XVII в.) и специальному систематическому описанию не подвергалась. В то время как знакомство с памятниками письменности этого региона обнаруживает немало особенностей в именованиях устьян в XVII в., особенно в первой половине столетия.

Личные именования крестьян Устьянских волостей, рассматриваемые в данной работе, извлечены из переписных книг Устьянских волостей 1634–1636 и 1639 гг. (далее – ПК Устьян. 1636 и ПК Устьян. 1639)[1], писцовой книги Ростовской волости 1664–65 гг. (ПК Рост. 1664)[2], крестоприводной книги Устьянских волостей 1682 г., фиксировавшей акт целования креста их жителями («приведение к кресту») на верность государю (КПК Устьян. 1682)[3], частно-деловых актов в публикации М. Романова (Ром.)[4].

В целом по своему составу антропонимикон Устьянских волостей XVII в. мало отличался от систем имен собственных других регионов Северной Руси. Закономерности его формирования и тенденции развития носили общерусский характер. Для называния людей использовались календарные и некалендарные имена, прозвания по отцу (патронимы) и фамилии, возникшие на Русском Севере достаточно рано.

Наиболее частотные календарные (крестильные) имена устьян были так же популярны на всей территории Руси. Их частотность во многом зависела от частоты встречаемости имен в православных святцах, в соответствии с которыми проводилось имянаречение. Из 1590 жителей Устьянских волостей, упомянутых в переписных книгах 1636 и 1639 гг., имя *Ивашко* носили 153 мужчины, *Васка* – 63, *Федка* – 51, *Сенка* (*Семейка*) – 50, *Гришка* – 46, *Ондрюшка* – 46, *Петрушка* – 33, *Якушко* (*Якунка*) – 32, *Степанко* – 28, *Митка* – 25, *Куземка* – 23, *Игнашко* – 23, *Микитка* – 22, *Офонка* – 21, *Тимошка* – 20, *Савка* – 20, *Левка* – 20, *Максимко* – 18, *Кирилко* – 18, *Михалко* (*Мишка*) – 16, *Осипко* (*Оска*) – 16, *Пронка* – 16, *Филка* – 16, *Павлик* – 14, *Лучка* – 14, *Карпунка* (*Карпик*) – 14, *Ортемко* (*Ортюшка*) – 12, *Микифорко* – 12, *Федотко* – 12, *Бориско* – 12, *Олешка* – 11, *Ларка* – 11, *Родионко* (*Родка*) – 11, *Илейка* – 10, *Данилко* – 7, *Сергейко* (*Сергунка*, *Сергушка*, *Сережка*) – 7, *Сидорко* – 7, *Гарасимко* – 6. В отличие от других типов документов XVI–XVII вв., называние «полуименем» являлось характерной чертой текстов массовой переписи и указывало на сословную принадлежность, «низкое» происхождение лица.

Среди некалендарных имен употребительны внутрисемейные антропонимы, в момент своего возникновения указывавшие на порядок

рождения ребенка: *Первушка* Гадаев (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.); *Вторушка* Иванов (ПК Устьян. 1636, л. 5 об.); *Пятко* Поспелов Коростин (ПК Устьян. 1639, л. 67 об.); *Семерко* Евсивьев (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.); время рождения: *Подосенко* Иванов Коробов (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.); или какие-либо личностные свойства носителя имени: *Смирка* Григорьев Мощин (ПК Устьян. 1639, л. 67 об.); *Рудачко* Иванов Рубцов (ПК Устьян. 1639, л. 72); *Невежка* Дементьев (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.); *Овсянка* Никитин (ПК Устьян. 1639, л. 68); *Незговорко* Фролов (ПК Устьян. 1639, л. 68 об.); *Нивка* Рычков (ПК Устьян. 1639, л. 72 об.); *Буторка* Феоктистов (ПК Устьян. 1639, л. 66); *Прокудка* Феоктистов (ПК Устьян. 1639, л. 66 об.); *Русинко* Васильев (ПК Устьян. 1639, л. 66 об.). Отмечены прозвища, которые мог получить человек в коллективе по особенностям внешности, чертам характера или обстоятельствам жизни: Федка Харитонов *Медведь* (ПК Устьян. 1636, л. 7 об.); Якунка Сергеев *Шиш* (ПК Устьян. 1639, л. 70); Офонка Лаврентьев прозвище *Колупай* (ПК Устьян. 1636, л. 55 об.); Рычко Иванов *Палтас* (ПК Устьян. 1636, л. 66); Павлик *Голенище* (ПК Устьян. 1639, л. 69 об.); Васка Ондреев прозвище *Кислой* (ПК Устьян. 1636, л. 5); Ивашко *Корела* (ПК Устьян. 1639, л. 69 об.); Мишко *Кокшар* (ПК Устьян. 1636, л. 32) и др. Специфичны реконструируемые прозвищные имена, восходящие к диалектным нарицательным обозначениям человека: *снежурь*, *холодило*, *шишера*, *шабан*, *скулмень* и др.: Федоско Офонасьев *Снежуревых* (ПК Устьян. 1636, л. 37 об.), Девятко Остафьев *Холодилов* (ПК Устьян. 1639, л. 71), Селуянко Зиновьев *Шишерин* (ПК Устьян. 1636, л. 32 об.), Софронко *Шабанов* (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.), Васка *Скулменев* (ПК Устьян. 1639, л. 65 об.) и др. Их анализ требует специального исследования.

Однако специфика устьянской антропонимии не исчерпывалась только диалектным характером многих производящих основ личных имен. Она проявлялась прежде всего в функционировании антропонимов. В рассматриваемый период отсутствовали юридически закрепленные нормы именования лица. Выбор их нередко зависел от жанровой специфики документа и местных традиций деловой письменности.

В писцовых и переписных книгах Устьянских волостей устойчивой тенденцией является противопоставление некалендарных имен календарным, подчеркивание их прозвищного характера: Павлик Петров прозвище *Четвертко*, Якушко Захоров прозвище *Чечюля* с сыном съ Емельянком, Тараско Филипов прозвище *Тренка* с сыном Пятункою, Исачко Семенов прозвище *Малчик*, ЕвтифЪико Семенов прозвище

Девятко, ОвдЪико Гарасимов прозвище *Посничко*, Мартемьянко прозвище *Рычко* (ПК Устьян. 1636, л. 21, 56–56 об.). Это прослеживается на материале переписных книг Устьянских волостей 1636 и 1639 гг. и писцовой книги 1664–65 гг. Сравнение моделей именования, использованных в них, позволяет сделать вывод о том, что именование некалендарным именем в официальных документах во многом определялось как письменной традицией, так и «произволом» писца.

Перепись Устьянских волостей 1630-х гг. осуществлялась в два приема разными составителями. В 1634–1636 гг. Дмитрием Михайловичем Овцыным описаны Соденгская, Ростовская, Шангальская, Пежемская, Чадромская волости. В 1639 г. по грамоте Устюжской четверти пристав Устюжской четверти Ларион Васильев и «Устьянских волостей земские судейки Пахомко Елизаров с товарыщи, Соденские волости Томилка Офонасьев с товарыщи, да Ростовские волости Ярофейко Семенов с товарыщи, да Чадромские волости соцкой Савка Игнатьев, да Пежемские волости выборные люди Сенька Самсонов Кубенин да Никита Тупицын» (л. 64) в дополнение к книге Дмитрия Михайловича Овцына описали Никольскую, Волюсную и Введенскую сошки Введенского стана и Дмитриевскую волость, крестьяне которых в 1636 г. себя «переписать не дали».

Таблица 1

Соотношение способов включения некалендарных имен в именования жителей Устьянских волостей в переписных книгах 1634–1636, 1639 гг. и писцовой книге 1664–1665 гг.

Год	Волость	Всего наименований, включающих некалендарное имя (%)	Названы одним некалендарным именем (%)	Названы одновременно календарным и некалендарным именем (%)
1636	Шангала	9,3	4,65	4,65
	Пежма	10,25	2,7	7,5
	Чадрома	10,5	3,8	6,7
	Ростовщина	11,7	8,5	3,2
	Соденга	16,5	12,6	3,9
1639	Введенский стан, Дмитриевская	26,3	26,3	–
1664	Ростовщина	8	2,2	5,8

В отличие от московских писцов, местные делопроизводители – составители переписи 1639 г. («писал Устьянские волости Веденского стану выборной земской дьячек Ондрюша Лукин», ПК Устьян. 1639, л. 72 об.) не разграничивали календарные и некалендарные имена, о чем свидетельствует более активное включение в именование некалендарных имен и отсутствие случаев противопоставления их календарным: *Буторка* Феоктистов (л. 66), *Рычко* Гаврилов *Костолга* (л. 66 об.), *Пятко* Григорьев, *Прокудка* Савельев, *Жданко* Вавилин (л. 67), *Девятко* Григорьев (л. 67), *Рычко* Семенов (л. 68), *Подосенко* Игнатьев (л. 68) и др.

Менее последовательное разграничение календарных и некалендарных имен в переписи Соденгской и Ростовской волостей 1634–1636 гг., вероятно, связано с большей удаленностью этих территорий от административных центров и крупных речных путей, а потому с затруднениями в соблюдении норм делопроизводства (недостаточностью информации или, возможно, привлечением к переписи местных писцов).

В течение XVII в. в официальном именовании крестьян и горожан активность использования некалендарных имен в роли основного личного имени значительно уменьшается. Резкое сокращение употребления некалендарных имен в официальных документах этого времени, очевидно, связано с введением более строгих норм актового делопроизводства. Переписные книги Устьянских волостей, где некалендарные личные имена включались в именование наряду с календарными, отражают более медленные темпы этих процессов. Если в Переписной книге 1634–36 гг. жители Ростовской волости названы только некалендарным именем в 11,7% именований (ПК Устьян. 1636), то в 1664–1665 гг. – в 8% (ПК Рост. 1664). Ср.: у крестьян Митрополья, Сухонского Черного, Ярокурского, Вондокурского станов, Шемогодской и Вотложемской волостей Устюжского уезда в 1623 г. – в среднем 12%, в 1645 г. – 2,6%, в 1660 г. – 1,9%, в 1677 г. – менее 0,5%[5].

Письменные источники первой половины XVII в. убеждают в существовании на территории Устьянских волостей многочисленных крестьянских фамилий. По данным Переписной книги 1636 и 1639 гг. в волости Пежме существовали фамилии: *Боданины*, *Высокие* (*Высоких*), *Енагины*, *Житные* (*Житных*), *Зиновские*, *Золотые* (*Золотых*), *Кулаковы*, *Пескишевы*, *Понкратовы*, *Пучнины*, *Снежуревы*, *Стреловы*, *Суховские*, *Тупицыны*, *Цыплетевы*, *Черные* (*Черных*), *Шадрины*, *Юдины*, в волости Чадроме – *Жеравлевы*, *Каши-*

ны, *Кляпинины*, *Опаницыны*, *Пуляевы*, *Чесноковы*, *Шваревы*, *Шемякины*, *Шибаевы*, *Шишерины*, в волости Соденге – *Медвгдевы*, *Онисимовы*, *Петуховы*, *Силницыны*, *Сухоносовы*, *Ширшовы*, *Якимовские*, в волости Ростовщине – *Резановы*, в волости Шангале – *Заостровные* (по названию деревни Заостровье), *Шишеловы*, *Буторины* и др.

Многие устьянские фамилии были тесно связаны с названиями населенных пунктов и выделяли большесемейные общины той или иной деревни: Д. *Климовские*... Федка Иванов сынъ да дЪти его Петрушка да Пашка *Климовых* (КПК Устьян. 1682, л. 36), Парфенко Пантелеймонов сын *Климовской*, Тараска Васильивъ сын *Климовской* (там же, л. 80 об.), Д<е>р<е>вни *Едома* Якушко Юдин *Едомъского* (там же, л. 91) и др.

Фамилии в форме родительного падежа множественного числа (на -ых/-их) указывали на принадлежность семье в целом. Например в КПК Устьян.1682 г. названы: Конанко да Сенка Васильивы дЪти да племянники ихъ Левка да Васка да Игнашка Карповы дЪти *Павловскихъ*, Ивашко Конанов сын иво Сенка *Павловских* (л. 19), Ивашко Ермолинъ сын у него Пронка *Ведениных*, Мишка Захарьивъ сын иво Климко да Федка *Семеновых* (л. 15), Петрушка Захаров сынъ *Киевских* (л. 93 об.), Ивашко Лаврентьев сынъ *Пронинских* (л. 94 об.), Парфенко Леонтьевъ сынъ *Симановских* (л. 94 об.) и др. Фамилии на -ых/-их были распространены в Устюжском, Двинском, Усольском уездах, в Устьянских волостях, в средней части Тотемского уезда по среднему течению Сухоны[6]. Наличие их также связано с существованием на Севере патриархально-родовых отношений. По мнению В. А. Никонова, такое распространение их обусловлено тем, что «между Вологдой и Тотьмой пролегала глубочайшая межа, западнее которой большинство крестьян принадлежало помещикам, а восточнее – нет»[7]. Особенно показательна в этом отношении большая активность фамилий на -ых/-их в Устьянских волостях. По подсчетам В. А. Никонова, в 1692 г. фамилиями на -ых/-их было названо 42% жителей Устьянских волостей[8]. Число подобных фамилий во второй половине XVII в. среди крестьян Устюжского уезда, по нашим подсчетам, тоже колебалось от 40% до 45%. Важно отметить, что формы фамилий на -ых/-их нашли отражение и в местной топонимии, где они обозначали владения той или иной семьи, например: Д. Дымковское за рЪчкою за Елюгою *Шадриных* то ж (ПК Устьян. 1636, л. 46 об.), ср.: Якунка Мартемьяновъ сын *Шадринъ* дЪти у него Алешка да Ивашко Федотко да Ивашко же *Шадрины* (КПК Устьян.

1682, л. 12). Названия на -ых/-их сохраняются и в современной микротопонимии верхнего течения реки Устьи[9].

В XVII в. русские фамилии не являлись обязательным компонентом официального именования, фиксировались непоследовательно, не имели устойчивой формы записи и часто не выделялись составителем документа из состава описательного прозвания по отцу. В ряде случаев запись фамилий в той или иной форме зависела от сложившихся стереотипов фамилий и произвола писца. Особенно ярко это проявлялось в фиксации фамильных прозвищ на -ой, восходящих к прилагательным, называющим характеристики человека: Сенка АндрЪивъ сын *Озорного* сын его Васька, Афонка Семеновъ сын *Озорного* (КПК Устьян. 1682, л. 12 об.); Ивашко Иванов *Масляных* (ПК Устьян. 1636, л. 38 об.), Тимошка Васильивъ сынъ *Масляной* (КПК Устьян. 1682, л. 21 об.).

Влияние продуктивного типа фамилий на -овъ/-евъ/-инъ обусловило замену фамильных прозвищ на -ой формами на -овъ/-евъ. Ср.: Влас Иванов сын *Голопятово* (Ром., 1612, 6), Никифору Иванову *Голопятову* (Ром., 1626, 10), Дмитреико Никифоров *Голопятого* (КПК Устьян. 1682, л. 131 об.); Васка Федоров *Лысово*, Олешка Микифоров *Лысов* (ПК Устьян. 1636, л. 45 об.), Ивашко да Сенка АлексЪевы дЪти *Лысовых* (КПК Устьян. 1682, л. 29); Архипко да Игнашка да Лучка Ярофеивы дЪти *Роскостого* (КПК Устьян. 1682, л. 131 об.), Архип Ярофеев сын *Роскостов* (Ром., 1704, 29); Ондрюшка Васильев *Кудреватов* (ПК Устьян. 1636, л. 14); Мишка Микифоров *Шестов* (ПК Устьян. 1636, л. 30). Например, фамилия жителей д. Каменная Гора Пежемской Устьянской волости в 1636 г. записывается как *Поскотин*, а в 1682 г. – как *Поскотинной*. Ср.: вдова Оносьица Михайлова дочь з детьми с Ывашком да с Ульянком Степановыми *Поскотина*... Левка Степанов *Поскотин*... Данилко Федоров з братом с Онтонком да Федосеико Стефанов *Поскотиных* (ПК Устьян. 1636, л. 37–37 об.). Д. Каменные Стенка Петровъ сынъ *Поскотинной*... Кондрашка прозвищем Любимко *Поскотинной*, Васка Ульянов да сын иво Андрюшка *Поскотинной*... Петрушка Антонов сынъ *Поскотинной* (КПК Устьян. 1682, л. 18–18 об.). Очевидно, трансформация фамильного прозвища в фамилию патронимического типа произошла посредством разговорной формы на -ых: *Поскотинной – Поскотинные – Поскотинных – Поскотиных – Поскотины – Поскотин*.

В фамильных прозвищах, мотивированных прозвищами по месту жительства, выделялся суффикс -ин по аналогии с продуктивными типами фамилий, в результате чего данные фамильные прозвища

воспринимались писцом как фамилии на -ин. Ср., например: Якунка ОлексЪев *Кубенин*, Ивашко ОлексЪев *Кубенин*, Семеика Самсонов *Кубенин*, Богдашко Якимов *Кубенин* (ПК Устьян. 1636, Пежма, дд. Березник, Карповская, л. 43 об.–44 об.), Селиванко Иванов сынъ *Кубениных* (КПК Устьян. 1682, Пежма, д. Карповская, л. 24 об.).

Наблюдаются особенности называния женщин – крестьянок Устьянских волостей. Письменными традициями центра определялась необходимость именования женщин-вдов в документах массовой переписи по мужу, бывшему владельцу двора. Например, в писцовых книгах Устюжского уезда 1623–1626 гг. из 82 отмеченных женских именований 72 включают личное имя и андроним (прозвание по мужу): вдова Окулинка *Михаилова жена*, вдова Маринка *Петрова жена Паутова*[10].

Переход именования владелиц дворов к мужской формуле (личное имя + прозвание по отцу) в устюжских документах намечается только во второй половине XVII в. (в Писцовой книге Устюга Великого 1676–83 гг. – 73 именования из 131): во дв. Анница *Петрова* д. у неЪ с. Антипка Евдокимов... во дв. Анница *Федосеева* у неЪ сын Дениско Мефодьевъ[11]. Между тем устьянки уже в первой половине столетия последовательно именовались при помощи полуотчества (из 67 отмеченных в переписных книгах Устьянских волостей именований – 57). Например: вдова Марьица *Фефилатьева* с сыном с Никонком Борисовым, вдова Татьянка *Степанова* с сыном с Васкою Юрьевым (ПК Устьян. 1636, л. 10, 33 об.), вдова Марфидка *Феоктистова дочь*, вдова Устиньица *Козмина дочь* (ПК Устьян. 1639, л. 68–68 об.) и др.

Анализ именований жителей Устьянских волостей в документах XVII в. убеждает в том, что деловая письменность этого региона имела свои локальные особенности, объясняемые удаленностью, изолированностью края и вследствие этого слабым влиянием письменных традиций центральной Руси, определяемых деятельностью московских приказов. Все это свидетельствует о ее большой ценности для изучения истории северно-русской антропонимии.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15038. Л. 1–63. (Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг.); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15038. Л. 65–83. (Переписная книга Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг.). О писцовых и переписных книгах Устьянских волостей см.: *Писцовые* книги Русского Севера / Сост. Н. П. Воскобойникова и др. М., 2000. Вып. 1. С. 337–340.

[2] Отдел рукописей РГБ. Ф. 353. Оп. 1. № 4. Писцовая книга Ростовской волости 1664–65 гг. (копия XVIII в.).

[3] РГАДА. Ф. 137. (Устьянские волости). № 3. Крестоприводная книга Устьянских волостей 1682 г.

[4] *Романов М.* История одного северного захолустья. В. Устюг, 1925.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 506. Писцовая книга Устюжского уезда 1623–26 гг.; РГАДА. Ф. 137. (Устюг Великий). № 68. Крестоприводная книга жителей Устюга и Устюжского уезда 1645 г.; РГАДА. Ф. 137. (Устюг Великий). № 135, № 136. «Выборная» книга солдат из крестьян 1660 г.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15047. Переписная книга Устюжского уезда 1677–78 гг.

[6] *Чайкина Ю. И.* Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов: По материалам деловой письменности XVII–XVIII вв. // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 53.

[7] *Никонов В. А.* География фамилий. М., 1988. С. 79.

[8] Там же. С. 70.

[9] *Рудных Е. И.* Названия на -ых/-их в микротопонимии верхнего течения р. Устьи (Архангельской области) // Микротопонимия: Материалы совещания. М., 1967. С. 141–146.

[10] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 506. Писцовая книга Устюжского уезда 1623–26 гг. Л. 306 об.–307.

[11] *Писцовая* книга Устюга Великого 1676 – 1683 гг. // Устюг Великий: Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883. С. 107.

М. С. ЧЕРКАСОВА
(Вологда)

НАСЕЛЕНИЕ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА (по дозорной книге 1616/17 г.)*

В начале XVII века в Вологодском уезде было проведено значительное количество общих и частных дозоров, призванных определить степень запустения края и платежеспособность тяглого населения[1]. Наиболее масштабными были: 1) дозор кн. Б. Касаткина-Ростовского, Н. Шеховского, подьячих Ж. Малафеева и В. Яковлева 1614/15 г. и 2) дозор кн. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616/17 г. Последний дозор, помимо уезда, включил также и посад Вологды, описание которого сравнительно недавно было опубликовано Ю. С. Васильевым[2].

Обширная дозорная книга 1616/17 г. сохранилась до нас в подлиннике, форматом в малую четвертку, объемом в 1335 листов, имею-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 025–01–00063а).